

Полиция работала быстро, а с Сюй Чжоу, который всё время держал дело под контролем, процесс шёл ещё быстрее. В ту же ночь Ци Ханя официально признали невиновным и выпустили.

Когда он вышел, в воздухе висела мелкая морось. Дождь был тихим, мягким, как шёпот, покрывая улицы серебристой дымкой.

Прямо перед выходом стоял Фу Гэ.

Они смотрели друг на друга сквозь влажную пелену дождя, и воздух между ними был натянутым, как струна.

— А-Хань, ну не злись на меня...

Альфа, не меняясь в лице, подошёл ближе. В глубине его налитых кровью глаз бурлили сотни эмоций, но в итоге он лишь скользнул взглядом по неуместным брюкам Фу Гэ:

— В такую холодину, а ты вышел в этих укороченных штанах...

Фу Гэ на мгновение замер.

— Я спешил, схватил первое, что попало...

Ци Хань вскинул взгляд — чёткие черты его лица были напряжены, во взгляде застыла боль и бессилие.

— Дело не в спешке. Ты просто даже не думаешь об этом. Сегодня утром, когда я тебя видел, ты был в этих же штанах.

Он снял свою куртку и обмотал ею талию Фу Гэ — хоть немного согреться. А потом развернулся и, не оглядываясь, пошёл к машине.

Фу Гэ остался стоять, провожая его взглядом, губы, искусанные до крови, дважды дрогнули в беззвучном движении.

Четыре дня... мы не виделись уже четыре дня...

Журналисты, давно учуявшие запах скандала, с камерами и микрофонами толпились у выхода, но боялись подойти слишком близко под давлением Ци Ханя. Поэтому они тут же накиннулись на оставшегося в одиночестве Фу Гэ.

— Господин Фу, что вы думаете о деле, в котором фигурирует ваш супруг?

— Вы планируете устраивать повторную свадебную церемонию?

— Ваш отец — убийца Ци Цзи, верно? Тогда каково вам жить под одной крышей с его сыном?

Бета рефлекторно отшатнулся назад, но в тот же миг из-за его спины вытянулась сильная рука, намертво сжавшая этот самый микрофон.

Ци Хань поддержал его за талию и спокойно, почти лениво произнёс:

— Отойдите на метр.

Журналисты, только что рвавшиеся к добыче, вдруг почувствовали, как волосы на затылке встают дыбом. Кто-то сглотнул, кто-то судорожно выдохнул, но уже через пару секунд все, как по команде, начали пятиться назад.

— Вам, конечно, непросто сидеть в такую погоду в засаде. Я попросил ассистента подготовить для вас зонты и горячие напитки.

Двое ассистентов и трое охранников тут же двинулись вперёд, протягивая горячие стаканы, и, под прикрытием этой кажущейся доброжелательности, плавно и бесшумно смыкали окружение вокруг толпы репортёров.

— Сяо Лю, помоги господину Вану с камерой.

Охранник, не задавая вопросов, сразу же нагнулся, “взял” камеру и передал её в руки Ци Ханя. Тот даже не взглянул на неё, просто выдернул кассету и, небрежно сжав пальцами, кинул её охраннику.

— Эй! Господин Ци! — журналист охнул, в голосе боль за утерянный материал, но сказать что-то большее не посмел.

Фу Гэ слегка шевельнул пальцами и, не отводя взгляда, посмотрел на Ци Ханя — тот стоял совсем близко, тёплое дыхание почти касалось его щеки. И в этот момент он услышал его спокойный, но непреклонный голос:

— Я не хочу, чтобы за нами кто-то следил. И тем более не хочу, чтобы хоть один снимок или какое-либо упоминание о моём человеке появилось в прессе. Спасибо за понимание. Интервью окончено.

Ци Хань усадил его в машину, захлопнул дверь и, не оборачиваясь, бросил водителю:

— Поехали.

В салоне тут же подняли температуру, и он, не сказав ни слова, укрыл Фу Гэ пледом, а затем взял его замёрзшие пальцы и сунул под свою одежду, прижимая прямо к коже.

Водитель краем глаза взглянул в зеркало, чуть поколебался и, выждав несколько минут, осторожно спросил:

— Господин, куда ехать?

— В сторону, где никого нет.

Фу Гэ вспыхнул до самых ушей, опустил голову, явно растерянный.

Водитель, петляя по дорогам, наконец свернул на пустырь, после чего молча вышел из машины и ушёл достаточно далеко — словно намеренно давая им возможность остаться наедине.

Фу Гэ сидел, уткнувшись в колени, смущённый и потерянный, будто неуклюжий маленький гусёнок. Но Ци Хань даже не дал ему опомниться — сунул руку ему под воротник, скользнул пальцами к ключице...

Маленький бета вздрогнул, вскрикнул:

— А-Хань! Подожди! Не здесь... Давай... Давай потом, когда вернёмся...

Он не знал, что задумал Ци Хань, но поспешно схватился за воротник, стараясь спрятать то, что не должно было быть видно. Но альфа был слишком решителен, — без лишних слов перехватил его запястье, прижал к изголовью сиденья, а второй рукой рывком задрал его толстовку вверх.

— Ци Хань!

Фу Гэ замер, тяжело дыша, не зная, куда себя деть, но Ци Хань не замечал ничего, кроме него. Он смотрел на его грудь, и по телу его прошла судорога.

Руки задрожали, дыхание стало прерывистым. На этой худой, почти прозрачной от бледности коже зияли ожоги.

Как минимум три.

Под ключицей, на левой руке, на правом бедре. Свежие, ещё воспалённые, две — ало-красные, третья, самая глубокая, уже обуглилась до черноты.

Ци Хань смотрел, не отводя взгляда, а перед глазами всё мутилось красным.

Он сотрясался от злости, плечи ходили ходуном, беспомощная, захлёстывающая ярость.

Это тот человек, ради которого он рвал зубами горло врагам.

Тот, за кого он сражался, кого оберегал, кого, чёрт возьми, носил на руках.

Когда Фу Гэ резал пальцы, он до рассвета не спал, перебинтовывая их дрожащими руками. Когда у того появлялась мозоль, он ждал, пока тот заснёт, чтобы ночью, при свете лампы, осторожно обработать и заклеить её.

Когда его арестовали, и ему пробили грудь пулей, когда полицейские дубинками ломали ему рёбра, он, скуля от боли, всё равно защищал Фу Гэ, даже при смерти не позволил никому прикоснуться к нему.

Он говорил каждому: не смейте трогать моего человека. Он шёл войной на тех, кто хоть пальцем касался его любимого. Он проклинал себя за свою беспомощность, ненавидел за слабость, за то, что не смог уберечь...

И вот теперь Фу Гэ показал ему, насколько бессильны были все его попытки.

Потому что тот, кто сделал ему больнее всех, кто сжёг его кожу, кто оставил эти следы, — это был он сам.

Он сжал зубы, несколько раз втянул воздух, подавляя рвущийся наружу крик, а потом потянулся к брюкам Фу Гэ.

Но тот перехватил его руку, судорожно вцепился в неё пальцами:

— Не смотри... Прошу...

— На ногах тоже есть... да?

Фу Гэ не ответил.

Ци Хань усмехнулся, после чего тяжело опустился на землю.

— Я ушёл всего на четыре дня... А ты... Ты за эти дни успел поставить себе не меньше трёх ожогов.

Ци Хань медленно поднял глаза.

— Ты хочешь, чтобы я сдох, да? Ну так просто убей меня. Одним ударом, без этих игр.

— Нет! Нет, А-Хань, я не делал этого с собой специально... — Фу Гэ взметнулся вперёд, вскарабкался на сиденье, дрожащими губами выталкивая слова. — Мне нужно было тебя спасти... Я не мог терять сознание...

— Тогда что с железой? Где твоё чёртова одеяло?

Ци Хань поймал его за запястье, другой рукой сомкнул пальцы на горле и начал медленно сжимать.

Но Фу Гэ не сопротивлялся.

Ци Хань резко убрал руку.

Две секунды молчания. А потом он усмехнулся — тихо, безжизненно.

— Ты даже не дернулся. Не моргнул.

— Я... я просто знаю, что ты меня не тронешь... — голос Фу Гэ был сбивчивым, прерывался, как разорванная нить.

— Нет, — голос Ци Ханя был пустым, ровным. — Дело не в этом.

Он улыбнулся — медленно, как будто понимая что-то самое важное.

— Ты не реагируешь не потому, что доверяешь мне. А потому, что тебе всё равно. Инстинкты невозможно контролировать. Ты их даже не почувствовал...

Он слегка склонил голову, рассматривая его, как что-то новое, что-то сломанное.

— Болит? Ну и пусть болит. Холодно? Ну и пусть холодно. Заболею? Ну и пусть заболею. Умру? Ну и пусть умру...

Фу Гэ дёрнул головой, захлёбываясь в слезах. Он хотел сказать, что это не так. Но Ци Хань уже

всё решил.

— Ты себя ненавидишь.

Он вздохнул.

— Только что именно ты ненавидишь сильнее? Это тело? Или себя как личность?

Фу Гэ не мог ответить.

Он только крепче вцепился в руку Ци Ханя, держал её, как последний спасательный круг, отчаянно пытаясь что-то доказать.

Но доказательств не существовало.

Воздух в машине был неподвижен, напряжён, как перед штормом.

А потом он сказал:

— Прекрати меня любить.

Тело Фу Гэ напряглось так резко, что он будто застыл.

— Что?.. Что ты сказал?..

Ци Хань поднялся и крепко обнял его, прижимая к себе так, словно пытался собрать все разрозненные осколки воедино.

— Больше не люби меня, — повторил он, — отдай эту любовь себе. Пожалуйста.

Фу Гэ, всё ещё тяжело дыша, наконец обрёл голос. Глаза, влажные, блестящие, полные боли и непонимания, смотрели прямо на него.

— А ты? — выдохнул он едва слышно.

Ци Хань улыбнулся — спокойно, нежно, без привычной резкости.

— А я отдам всю свою любовь тебе.

Фу Гэ пошевелил губами, словно хотел что-то сказать, но в итоге лишь выдохнул надломленно:

— Но я... я не вижу в себе ничего, что стоило бы любви.

В ту же ночь, как только они вернулись, Ци Хань организовал ему операцию — полное удаление искусственной железы с задней поверхности шеи.

Полный наркоз. Полтора часа хирургического вмешательства.

Когда его вывезли из операционной, он всё ещё был без сознания.

Ци Хань, с предельной осторожностью, перенёс его на кровать, поднял температуру в комнате, включил обогреватель, подложил мягкую подушку под затылок, чтобы тот случайно не задел рану.

Только после этого он сел рядом, расстегнул его рубашку, стянул брюки и принялся обрабатывать ожоги.

Фу Гэ никогда не обращался за медицинской помощью. Он лишь молча мазал эти следы чем попало, стараясь скрыть их даже от самого себя, потому что считал их уродливыми, потому что сам себе казался ещё более ничтожным из-за них.

Но теперь всё было по-другому.

Четыре свежих ожога.

Три на теле. Один на бедре.

Когда последняя рана была обработана, он медленно наклонился и коснулся губами его бедра.

Затем лёг рядом. Окутал его запахом своих феромонов — мягким, тёплым, как уютный кокон из свежих лепестков.

Фу Гэ, кажется, почувствовал это даже сквозь сон, тихо повёл плечами, свернулся, будто забираясь в это тепло.

А потом открыл глаза. Секунду смотрел, моргая, а потом его взгляд затуманился, уголки глаз вспыхнули красным.

— Я... Я думал, что больше тебя не увижу... — голос был срывающимся, дрожащим, как у ребёнка, потерявшегося в темноте.

— Как же нет... — Ци Хань склонился ниже, их носы почти соприкоснулись, голос сорвался на хрип, но он не отвёл взгляда. — Если не рядом с тобой, брат, то где мне ещё быть?..

— Но ты ушёл. — Фу Гэ смотрел прямо перед собой, будто боялся, что, если встретится с ним глазами, не выдержит. — Я разозлил тебя. Впервые за столько времени... Ты всегда терпел, всегда позволял мне заходить слишком далеко, но сегодня... Сегодня в участке ты даже не посмотрел на меня, просто развернулся и ушёл.

— Я так боялся за тебя. Мы не виделись слишком долго, и я не мог больше ждать. Я... я просто хотел, чтобы врач закончил быстрее, чтобы я смог прийти к тебе хоть на секунду... А ты... ты отвернулся и ушёл.

— Гэ! — В глазах Ци Ханя вспыхнула паника, он побледнел так резко, будто из него выпустили всю кровь.

Его голос задрожал, и он шагнул ближе, протянул руки, но замер, не касаясь.

— Я никогда не хотел бросать тебя, я просто... я...

Фраза оборвалась, и прежде чем Фу Гэ успел хоть что-то понять, Ци Хань со всего размаха ударил себя по лицу.

— Ты что творишь?! — Фу Гэ вздрогнул, схватил его за запястье, потряс, но тот только опустил голову, побелевшими пальцами вцепившись в край футболки.

— Я сволочь, я конченный ублюдок, я... я тогда обезумел от злости... Я смотрел на тебя, на твои раны и... — Он судорожно сглотнул, голос осип. — Я знал, что если не уйду, если останусь — я сделаю что-то, о чём буду жалеть всю жизнь.

Фу Гэ фыркнул, всхлипнул, шмыгнув носом, долго молчал, уставившись в пол, а потом, низко опустив голову, пробормотал глухо, сквозь слёзы:

— Ну тогда... тогда возьми меня на руки. Ты ведь так долго был рядом, но ни разу не обнял меня как следует...

Ци Хань выдохнул, прикрыл глаза, затем улыбнулся — так мягко, что в уголках губ дрогнули морщинки.

— Ты больше не злишься?

Он сдёрнул одеяло и заключил его в крепкие объятия, осторожно проводя ладонью по спине, касаясь горячего лба, будто проверяя — не болеет ли. Фу Гэ был тёплый, слегка дрожал,

прижимался всем телом.

— Так хорошо... — Он слабо потёрся носом о его шею, вдохнул до боли знакомый запах и расслабился, прикрыв глаза.

Ци Хань ощущал, как его сердце сжимается и распускается одновременно — то от боли, то от чего-то невыносимо тёплого.

— Какой же ты лёгкий, малыш...

Фу Гэ слабо, неуверенно коснулся его губ, оставив почти невесомый поцелуй в уголке рта.

— Ты был прав... Я действительно ненавижу себя. — Голос его был едва слышен. — Но я не знаю, как перестать...

Ци Хань нежно коснулся его губ, тёплых, чуть пересохших.

— Я помогу тебе.

— Но сначала слезай с кровати.

Фу Гэ послушно кивнул, но стоило ему только приподняться, как он тут же резко отпрянул назад, съёжился, натянул одеяло до самого подбородка и свернулся в тугой комок.

— А... а где моя одежда?..

Ци Хань усмехнулся, и в его голосе было неприкрытое злорадство:

— Испарилась.

— Не переживай, — лениво добавил он, видя, как Фу Гэ вжимается в подушку, — дверь закрыта, шторы тоже, кроме меня тебя никто не увидит.

Но это не значит, что можно вот так остаться совсем без...

Фу Гэ бросил испуганный взгляд вниз, потом судорожно сглотнул и пробормотал:

— Дай мне хоть штаны.

— Нет.

Он бесцеремонно схватил его за талию, перекинул через плечо, как мешок с зерном, и понёс к зеркалу.

— Ци Хань! — Фу Гэ отчаянно заёрзал, пытаясь вырваться, но тот только крепче сжал руки, не давая даже шанса скрыться.

Он бросил быстрый, панический взгляд в отражение и тут же попытался отвернуться, но пальцы Ци Ханя сомкнулись на его подбородке, вынуждая смотреть.

— Маленький, ты правда не понимаешь, насколько ты красив?

Тонкая, изящная фигура, кожа гладкая, словно фарфор, тонкие суставы, которые стоило чуть сжать, чтобы остались розоватые следы. Шрамы не портили его, напротив — они выделялись на белизне, как алые лепестки, упавшие на снег, делая его ещё притягательнее. А лицо... О, это лицо. Соблазнительное, хищное, опасное, будто Фу Гэ был создан, чтобы сводить с ума.

Ци Хань наклонился ближе, провёл ладонями по его плечам, вбирая тепло кожи, прижался губами к ключице, оставляя короткие, почти нетерпеливые поцелуи.

— Ты знаешь, что я вообще-то никогда не был помешан на этом? — Голос его стал низким, сиплым, горячим, как сам воздух вокруг. — Меня это даже не особо интересовало. Но с тобой...

Фу Гэ дёрнулся, пытаясь прикрыться, но Ци Хань не позволил.

— Что со мной?.. — Он пытался говорить твёрдо, но голос предательски дрогнул.

— С тобой я, чёрт возьми, стал просто долбаным извращенцем. Хочу тебя каждую грёбаную секунду.

— Ты... — Грубые слова заставили его задрожать, по коже разлился жар, а белоснежные щеки залило густым румянцем.

Ци Хань взял его руки и медленно переплёл их со своими, обнимая его крепче.

— Я видел сотни людей, самых разных, но ни один из них не сравнится с тобой даже на долю.

Он усмехнулся и склонился к его уху:

— Вся больница говорит только о тебе. Медсёстры обсуждают, насколько ты красив. Новенькие охранники так пялятся, что даже умудряются путать данные в документах. А я...

Он провёл губами по его щеке, чуть скользнул вниз, к горлу, и выдохнул:

— А я столько раз сдерживался, что уже почти взорвался.

Ци Хань подошёл ближе, горячий поцелуй скользнул по его губам, и в полу притушенном свете палаты он медленно опустился ниже, касаясь каждой линии тела, оставляя влажные следы на шрамах, которые Фу Гэ всегда считал уродливыми.

— Ты сильный. Упорный. Добрый. В самых дерьмовых обстоятельствах ты не сдался, пять лет терпел, выжидал, не позволил себя сломать. Ты спас того омегу в клубе, помог ему найти работу. Ты умный, талантливый, смелый, упрямый. Ты знаешь, что любишь, и что ненавидишь, и никогда не путаешь одно с другим. Ты любишь картошку фри. Ты думаешь, что никто не замечает, как ты тайком просишь заботы, а я вижу.

Фу Гэ хрипло рассмеялся, судорожно вздохнул:

— С каких пор картошка фри считается достоинством?

— С тех пор, как это ты её ешь. Для меня в тебе всё — достоинство.

Ци Хань опустился ещё ниже, кончиками губ коснулся его бедра, провёл по выступающей кости языком, остановился на последнем, самом глубоком шраме от ожога, покрыв его тёплым, почти благоговейным поцелуем. Потом поднял голову и, не размыкая пальцев, сплёл их с его тонкими, изящными пальцами.

Он стоял на одном колене, смотрел снизу вверх — в глазах тёмный блеск, фанатичная преданность, голод, любовь, обожание, всё разом, и больше, чем Фу Гэ мог вынести.

— Маленький Гэ, слова «плохой» и «испорченный» никогда не смогут описать тебя. Тебе подходят только «красивый» и «непоколебимый».

— И я буду преследовать тебя, восхищаться тобой, подчиняться тебе. До самого конца.

В семнадцать лет его любовь вспыхнула так ярко, что сожгла всё вокруг, как лесной пожар, охвативший горные хребты.

Но Фу Гэ был огнём, который невозможно потушить.

— Моё сердце, тебе не нужно тратить силы, чтобы любить меня. Потрать их, чтобы любить себя.

<http://bllate.org/book/14453/1278363>